

**Отзыв о диссертации Вадима Викторовича Дьячкова
«Типология деадъективных глаголов»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-
историческое, типологическое и сопоставительное языкознание**

Диссертация В. В. Дьячкова представляет собой многоаспектное исследование, посвященное глаголам, образованным от прилагательных. Основная цель диссертации состоит в том, чтобы разработать такую типологию соответствующих глаголов, которая, с одной стороны, опиралась бы на современные семантические и синтаксические теории, а с другой стороны, отражала бы межъязыковое разнообразие.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения и библиографии, включающей 160 наименований. Во введении определяется объект рассмотрения и дается общая характеристика исследования. Среди прочего здесь четко формулируются конкретные задачи, вытекающие из главной цели работы (с. 7-8). Забегая вперед, замечу, что все эти задачи в ходе работы были решены. Также из введения становится ясна основная особенность диссертации: поиск широких обобщений, лежащих в области теоретического синтаксиса и семантики, совмещается в ней со скрупулезным анализом данных широкого круга языков, очень различающихся по типологическим характеристикам. Необходимость такого совмещения не вызывает сомнения, поскольку до сих пор очень многие теоретические обобщения, касающиеся синтаксиса и семантики деадъективных глаголов, формулировались лишь на материале хорошо изученных европейских языков. Таким образом, по своей методологической установке работа В. В. Дьячкова попадает в очень узкую категорию, одновременно являясь и формально-синтаксической, и в полном смысле слова типологической. Все сказанное однозначно определяет и **актуальность**, и **новизну**, и **теоретическую значимость** исследования.

Методологические установки определяют и структуру диссертационного исследования, в высшей степени удачно выстроенную.

В первой главе закладывается теоретический фундамент последующего анализа. Эта глава во многом имеет обзорный характер: В. В. Дьячков обсуждает основные теоретические работы по теме, прежде всего уделяя внимание тем из них, где предлагались разного рода структурные объяснения семантических и сочетаемостных различий между деадъективными глаголами разных типов. В центре внимания находятся такие понятия, как структура события и типы адъективных шкал (открытые и закрытые). Здесь же вводится идея о том, что тип адъективной шкалы может влиять на акциональные свойства деадъективного глагола. Впрочем, эта идея формулировалась преимущественно на английском материале, так что автор сразу же подчеркивает необходимость ее типологического тестирования.

Во второй главе, самой большой по объему и в каком-то смысле центральной во всем исследовании, В. В. Дьячков выстраивает свою классификацию структурных типов деадъективных глаголов, проводит декомпозицию семантики этих глаголов, показывает системные связи между структурными классами и предлагает формальное объяснение этих связей. В этой главе творчески перерабатываются теоретические работы предшественников (Хейла и Кейсера, Левин и Раппапорт Ховав, Рэмчанд и др.), обзор которых был предложен в первой главе. Здесь же формулируются и основные теоретические обобщения, к которым приходит автор, например наблюдение о регулярности инхоативно-стативной полисемии и ее объяснение, идея о том, что деадъективные инхоативные глаголы всегда предполагают результирующий компонент (с. 77), идея о том, что каузативный компонент занимает в структуре события более высокое положение, чем инхоативный компонент (с. 112-113) и т.д. Особенную ценность представляет раздел, посвященный деадъективным глаголам поведения, или неэргативным глаголам (*жадничать*): на фоне инхоативных (*толстеть*) и каузативных (*удлинить*) глаголов глаголы поведения часто находятся в тени, так что здесь автор обнаруживает множество не замечавшихся ранее эмпирических фактов, в том числе и для русского языка.

В. В. Дьячков сочетает формальный анализ с некоторыми исходными положениями, опирающимися исключительно на семантику. Так, семантически используемое в работе определение «прилагательного»: «Мы считаем прилагательными любые лексемы, которые относятся к одному из выделенных Диксоном семантических классов, независимо от того, являются ли они в конкретном языке единицами с формальными свойствами прилагательных, существительных или глаголов» (с. 54). В этой связи в главе 2, кажется, не хватает обсуждения того, существуют ли какие-либо различия между структурными типами глаголов в зависимости от того, образованы ли от единиц с «формальными свойствами» прилагательных или от чего-то еще.

Третья глава посвящена анализу морфологических средств, служащих для кодирования деадъективных глаголов. Эта глава логично продолжает предыдущую. Здесь тоже делаются ценные обобщения, например показывается, что инхоативный структурный тип характеризуется большим морфологическим разнообразием, чем каузативный. Однако в целом в третьей главе меньше типологических наблюдений, претендующих на наличие объяснительной силы, и больше указаний на ранее не изучавшиеся частные сходения между языками; таков, например, раздел 3.4, посвященный использованию маркеров реверсива для образования деадъективных глаголов. Несомненным достоинством главы 3 является типологическая широта. Видимо, более широкий, чем во второй главе, типологический охват объясняется практическими соображениями: сведения о морфологии чаще удается найти в первичных источниках, чем обсуждение семантических и синтаксических свойств. Однако платой за широту охвата оказывается некоторая эклектичность обсуждения. Так, уже в выводах к этой

главе В. В. Дьячков говорит, что наряду с языками, где для образования деадъективных глаголов используются показатели инхоатива, каузатива, средства интенсификации и т.д., есть и языки, где той же цели служат «наложения определенных тоновых контуров» (с. 176). Само по себе это наблюдение интересно, но, кажется, оно отчасти страдает бессистемностью: вопрос о полисемии маркеров здесь смешивается с вопросом о типе экспонента морфологических категорий. В целом даже и деление главы 3 на разделы не отличается последовательностью: одни разделы здесь посвящены отдельным структурным типам (3.1-3.2), другие типам полисемии (3.3-3.5), а раздел 3.6 отдельно рассматривает случаи редупликации — этот признак по крайней мере теоретически ортогонален другим, использованным здесь.

В главе 4 автор детально рассматривает два языка, с которыми он работал в полевых условиях: горномарийский и томо-кан. Эта глава показывает жизнеспособность выстраиваемых В. В. Дьячковым теоретических моделей, их применимость к материалу подробно анализируемых языков. Особенной тщательностью и тонкостью анализа отличается раздел, посвященный горномарийскому языку. Здесь, в частности, детально рассматривается вопрос о связи между типом шкалы прилагательного и акциональными свойствами деадъективных глаголов. Автор делает неожиданный вывод об отсутствии регулярной связи такого рода. Несколько огорчает то, что эмпирически этот вывод преимущественно обосновывается данными о глаголах, образованных от прилагательных с открытой шкалой (с. 193). В этом же разделе формулируется один из самых ценных (по крайней мере потенциально) выводов автора: «предельность глагола обусловлена тем, что все прилагательные открытых шкал, в отличие от нашего исходного предположения, на самом деле не являются прилагательными открытых шкал» (с. 195). Думается, что очевидное несовершенство приведенной формулировки (на с. 197 она принимается в качестве основной из нескольких конкурирующих гипотез) неслучайно. Видимо, именно при работе с хорошо ему известным горномарийским языком автор всерьез задумался о процедурах определения типов шкал и стал критически пересматривать подходы, которые часто принимаются как сами собой разумеющиеся. Пока что не вполне понятно, какой должна быть позитивная программа, которую можно было бы предложить вместо отвергаемого универсалистского подхода.

Работа В. В. Дьяčkова выполнена на чрезвычайно высоком уровне. В ней предлагается большое число разного рода обобщений и гипотез (см. частично выше). Даже если какие-то из них в дальнейшем потребуют корректировки, сам факт их возникновения будет стимулом для дальнейшей работы в этой области. Интересно, что тяга к обобщениям, в том числе и формального плана, сочетается в работе со скрупулезным анализом конкретной эмпирики, особенно в том, что касается языков, к которым у автора был непосредственный доступ. Такое сочетание можно только приветствовать. В самом деле: не секрет, что типологи часто обвиняют

генеративных исследователей в упрощениях и невнимании к деталям, а генеративисты обвиняют типологов в отсутствии внятных обобщений, имеющих предсказующую силу. Хотя центральные выводы В. В. Дьячкова сформулированы в формальных терминах, конкретный формализм и «красота» обобщения никогда не оказываются для автора важнее, чем содержательное осмысление фактов и эмпирическая адекватность. Ориентация на суть проблемы, а не на детали конкретных формальных построений проявляется уже в самом начале работы В. В. Дьячкова. Сопоставляя совершенно разные по формализму работы, автор ловко абстрагируется от внешних деталей, выявляя и значительный «изоморфизм» между разными теориями и те пункты, где между ними есть принципиальные различия (с. 64-66). Этот подход может быть применен и при оценке собственных выводов автора: даже если конкретные синтаксические деревья, построенные автором, могут быть подвергнуты критике по самым разным причинам, содержательная сторона обобщений всегда остается зависимой лишь от эмпирических фактов.

Работа В. В. Дьячкова выполнена на высоком профессиональном уровне, написана очень ясным языком и почти безупречна в техническом отношении. Отдельно хотелось бы подчеркнуть исследовательскую осторожность автора: во многих случаях он вдумчиво взвешивает различные решения, а иногда и прямо признает, что выдвигаемые обобщения предварительны и нуждаются в дальнейшей проверке.

Итак, в целом работа В. В. Дьячкова производит самое благоприятное впечатление. Однако, как и всякая серьезная работа, в ряде случаев она вызывает желание задать вопросы или даже высказать возражения.

1. Автором была поставлена очень сложная задача, для ее полноценного решения необходимы тонкие наблюдения над семантикой и синтаксисом деадъективных глаголов. Между тем, как признает и сам автор, для подавляющего большинства языков необходимые сведения отсутствуют (см. раздел 1.2). Эта проблема, видимо, не имеет решения; ее следствием является и отмеченное выше жанровое различие между главами. Однако при всем сочувствии к автору некоторые из выбранных путей решения объективно существующих проблем все же сложно принять. Это касается и пресловутой проблемы идентификации прилагательного как части речи. При обсуждении этой проблемы В. В. Дьяков замечает, что «для каждого языка мы опираемся в первую очередь на традицию его описания» (с. 5). Хочется надеяться, что это решение не сказалось на выводах радикально. Однако для серьезного типологического анализа такое решение сложно считать адекватным, поскольку гипотетически полученные выводы могут оказаться артефактом традиции описания языков, в том числе и по европоцентрическим лекалам.

2. В работе предлагается множество обобщений, касающихся поведения деадъективных глаголов. Однако для того, чтобы оценить, насколько эти свойства специфичны именно для деадъективных глаголов, имело бы смысл сопоставлять эти глаголы с другими, «обычными» глаголами. В качестве

примера можно привести подробно обсуждаемую в работе инхоативно-стативную полисемию. Автору хорошо известно, что такой тип полисемии характеризует очень многие глаголы (ср. *понимать*), хотя он не в одинаковой степени характерен для разных языков. Было бы интересно понять, выводимы ли свойства инхоативно-стативной полисемии у деадъективных глаголов из свойств такого типа полисемии в целом. Также автору было бы полезно учесть серию работ Дж. Николс, посвященных «basic event structure», — в них показано, что использование в качестве деривационно базовых стативных либо же инхоативных глаголов является значимым параметром типологического варьирования.

3. В ряде случаев остается ощущение некоторой неаккуратности предлагаемого словообразовательного анализа фактов русского языка.

а) Так, постулирование суффикса *-нича* в словах типа *жадничать* или *любезничать* не кажется убедительным, т.к. уже в составе соответствующих прилагательных есть суффикс (или даже часть корня) *-н*, да и существование пар типа *умник* — *умничать* вряд ли можно игнорировать.

б) В ряде мест диссертации автор пишет о «суффиксах I спряжения» (в глаголах типа *белеть*) и «суффиксах II спряжения» (в глаголах типа *белишь*), см. с. 5 и далее. Такой анализ не соответствует общепринятому (суффиксы должны иметь план содержания, а у типа спряжения его нет), к тому же он не учитывает фактов словоизменения: формант *-е* проходит сквозь всю парадигму соответствующих глаголов (основа прошедшего времени *беле-*, основа настоящего времени — *бележ-*), а формант *-и* появляется только в основе прошедшего времени (ср. основу настоящего времени *бел-*).

в) При анализе конкретных пар автор декларирует принцип семантической регулярности (с. 67). Однако на практике этот принцип соблюдается автором не всегда, во многих случаях в примерах очевидны идиосинкратические семантические расхождения. Интересно, что даже та пара глаголов, которая приводится как пример регулярности на с. 67, — *подешеветь* / *удешевить* — не обладает нужным свойством. Глагол *подешеветь* обозначает понижение цены вне зависимости от причин, приведших к этому, а глагол *удешевить* обязательно предполагает, что продавец каким-то образом снижает себестоимость.

г) Автор серьезно относится к словообразовательной структуре и полагает, что порядок присоединения морфологических показателей отражает этапы семантико-синтаксической деривации. В связи с этим не совсем понятна деривация глаголов типа *развеселить* (с. 113). Здесь приставка *раз-*, отвечающая за результирующее подсобытие, присоединяется, по мысли автора, до суффикса *-и-*, отвечающего за каузирующее подсобытие. Замечу, что такая последовательность не соответствует привычным представлениям о словообразовании (*веселый* => *веселить* => *развеселить*). Еще более спорно то, что получается, что присоединение результирующей приставки происходит до того, как «выбирается» структурный тип глагола. Меж тем для инхоативного глагола *повеселеть* требуется другая приставка.

4. Не совсем понятно, что автор думает о случаях, когда для одной и той же адъективной основы находится более одного глагола, соответствующего определенному структурному типу (ср. *повеселеть* и *развеселиться*). Различается ли деривация в таких парах? Есть ли в них, по мнению автора, какие-либо семантические различия?

5. В. В. Дьячков предполагает, что (не)возможность каузативных альтернатив инхоативных глаголов зависит от того, является ли соответствующий процесс «внутренне иницируемым» (ср. *подешеветь* — *удешевить*, но *зачерстветь* — **зачерствить*, с. 67). Это объяснение убедительно. Однако в типологической литературе (В. П. Недялков, М. Хаспельмат, Дж. Николс) показывалось, что этот признак образует шкалу (*spontaneity scale*) и что разные языки проводят на ней границы по-разному. Предлагает ли В. В. Дьячков считать, что «спонтанность» — это бинарный признак? Если да, то как это допущение совместимо с типологическими свидетельствами, полученными названными авторами?

6. Среди глаголов каузативного структурного типа в работе многожды приводятся глаголы вроде *старить*, *стройнить*, *толстить*. Мне представляется, что эти глаголы нередко имеют значение, которое можно было бы назвать мнимой каузацией: ‘делать так, что объект начинает **казаться** таким, как если бы он обладал свойством А’. Более того, в некоторых случаях такая интерпретация возможна, а обычная каузативная — нет (ср. *эта юбка меня стройнит*, но ??*занятия в бассейне меня стройнят*). Согласится ли автор с существованием такой семантической разновидности? Если да, то не следует ли соответствующие глаголы рассматривать отдельно от обычных каузативов типа *расширить*?

7. В работе наблюдается некоторая неаккуратность в обращении с генеалогической характеристикой языков. Так, среди семей несколько раз упоминаются «папуасские» языки, хотя уже очень давно известно, что эти языки не образуют генеалогического единства и представляют несколько десятков семей. В этой связи несколько наивно звучит тезис о том, что «папуасские» языки входят в число семей, которые рассмотрены в диссертации «достаточно подробно» (с. 43) — в работе привлечены сведения о пяти «папуасских» языках. Тюркские языки названы «макросемьей» (с. 22), что неожиданно, учитывая небольшую глубину распада тюркской генеалогической общности (2-3 тысячи лет назад). В работе неоправданно часто говорится об «африканских» языках, в том числе и в таких контекстах, когда языки Африки не демонстрируют большой общности по обсуждаемым параметрам (ср. обсуждение способности имен присоединять более одного показателя именного класса на с. 52). Сами по себе отмеченные неточности не влияют на суть предлагаемых обобщений, но несколько портят общее впечатление от работы типологического плана.

Все высказанные замечания либо носят дискуссионный характер, либо касаются частных вопросов. Они несколько не ставят под сомнение исключительно высокий уровень проведенного исследования в целом.

Диссертация В. В. Дьячкова в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 (Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание), а во многих отношениях превосходит их.

Текст автореферата соответствует диссертации. Сделанные выводы корректны и обоснованы. Основные положения работы отражены в трех статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Диссертация отвечает пп. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного в новой редакции постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, по своему содержанию соответствует паспорту специальности 10.02.20 (Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание) и является научно-квалификационным исследованием, в котором решена заявленная диссертантом научная задача — построена типология деадъективных глаголов, учитывающая их семантические, морфологические и дистрибутивные свойства; решение этой задачи имеет существенное значение для соответствующей области знания.

Автор диссертации В. В. Дьячков, несомненно, заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 (Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание).

18 марта 2019 г.

Кандидат филологических наук,
заведующий лабораторией типологического изучения языков
Института лингвистических исследований РАН

С. С. Сай

Сведения о составителе отзыва

Сергей Сергеевич Сай

Почтовый адрес: 197136, Санкт-Петербург, Малый пр. П.С., д. 70/18, кв. 23

Электронный адрес: serjzhka@yahoo.com

Телефон: +79219020918

Место работы: Институт лингвистических исследований РАН

Почтовый адрес: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

Электронный адрес: iliran@mail.ru

Сайт организации: <https://iling.spb.ru/>

Ученая степень: кандидат филологических наук (по специальности 10.02.20)

Должность: заведующий лабораторией типологического изучения языков